

Глава 10. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА РЕЖИМА.

Послесталинский период советской истории в главных своих чертах был временем господства уже сложившихся на предыдущих этапах тенденций. Разумеется, нельзя отождествлять времена Сталина и времена Брежнева. Различия видны, как говорится, невооруженным глазом. Однако, пожалуй, только невооруженному глазу они и кажутся принципиальными. Для глаза же, оснащенного теоретической линзой либо практическим знанием «подземного» слоя политической механики, эти отличия представляются не такими уж существенными, и даже напротив, становится четко видна принципиальная общность двух названных периодов. Думается, правильней всего смотреть на них как на две фазы развития, в сущности, одного и того же политического режима. Чтобы убедиться в этом, следует проанализировать те основные опоры - институты власти (не формально-юридические, а реальные принципы ее построения) и принципы ее осуществления, на которых стояла наша политическая система, (называвшаяся одно время эвфемизмом «командно-административная») начиная с 30-ых и почти до конца 80-ых годов XX века.

Это важно не только в научном, но и в практическом плане. Дело в том, что в морально-психологическом отношении наше недавнее прошлое прошлым, увы, не стало и пребывает в сегодняшней реальности в виде хотя и ослабленного, но отнюдь не подавленного и даже далеко не в полной мере изученного вируса. Политическое название этого вируса - сталинщина. Некоторые вещи, о которых пойдет речь, достаточно широко известны, хотя очень по-разному интерпретируются; о других предпочитали и предпочитают вслух не говорить, хотя на практике весьма эффективно их использовали; третьи до сих пор в явном виде даже не осознаны, хотя они были фактом повседневной жизни на протяжении всех послесталинских советских десятилетий. Но представить их себе нужно именно в системе.

Основные институты режима.

Безраздельное господство в политической жизни страны единственной организованной силы - массовой политической партии,

реально построенной на началах строгого централизма, который обеспечивал политический контроль практически над всеми звеньями общества, а также эффективное распространение и дублирование исходивших из единого центра команд. Этот механизм обладал гигантскими дегуманизирующими возможностями. В нем отсутствовали институциональные устройства не только для предотвращения ошибок или их неповторения, для выдвижения «наверх» наиболее достойных людей, но даже хотя бы для блокирования преступных злоупотреблений властью.

Горбачев и его единомышленники попытались превратить его в силу, способную не тормозить, а возглавить позитивные общественные перемены. Но реальность быстро показала утопичность надежд на такую трансформацию. Ведь на протяжении долгих десятилетий этот механизм действовал в соответствии с совсем другой программой - консервативно-охранительной. Она определяла принципы отбора и продвижения людей, характер действия партийной структуры, групповые ориентации слоя номенклатуры. И, несмотря на внешние изменения перестроечного времени, ни в деятельности партийных кадров, ни даже в самом их облике не обнаружилось ни сколько-нибудь серьезной переориентации партийной структуры, ни хотя бы ее принципиальной способности к ней. Налицо были скорее имитация перемен, судорожные попытки сохранить прежнее положение вещей или по крайней мере притормозить развитие событий.

Лидер с формально неограниченными полномочиями. Начиная со сталинских времен, пост генсека превратился в ключевую властную позицию нашей политической системы. Хотя формально полномочия генсека не были отражены ни в каком законе и, следовательно, в правовом смысле он был частным лицом, всего лишь руководителем общественно-политической организации, это отнюдь не мешало полновластию. Совмещение партийного и какого-либо ведущего государственного поста

обычно происходило после партийного назначения, скорее из соображений бюрократического удобства, международного политета либо простого подхалимажа. К тому же с какого-то момента концентрация власти в руках генсека стала мало зависеть даже от личных качеств человека, оказавшегося на данном посту. В случаях позднего Брежнева и Черненко со всей очевидностью «короля играла свита».

Но отчасти именно поэтому безбрежность полномочий отнюдь не означала свободы действий. Способы влияния партийного аппарата на своего лидера были весьма разнообразны. Под его контролем всегда находились процессы самоформирования номенклатуры и продвижения по ее ступеням к тем позициям, с которых становился возможен выход на ведущие роли. Да и внутри верхнего слоя номенклатуры судьба назначений в значительной мере решалась на аппаратной кухне. Кроме того, аппарат по своему положению имел все возможности для контроля каналов связи лидера с внешним, «зааппаратным» миром посредством селекции и соответствующей подачи информации как при ее движении «наверх», так и при «спуске вниз» указаний и решений. Таким образом, аппарат обеспечивал выдвижение на пост лидера «своего человека», а затем выполнял функции его глаз и рук. И в той или иной степени это удавалось ему во все периоды. Если же лидер выходил из-под контроля аппарата, предпринимал какие-либо действия, вызывавшие у последнего опасения относительно устойчивости сложившейся системы отношений, то политическая судьба его оказывалась предрешенной. Участь Маленкова и особенно Хрущева, а также путч августа 1991 - яркие подтверждения этому.

Практически неподконтрольный партийно-государственный аппарат. Лидер находился под обволакивающим и до времени «нежным» контролем номенклатуры. Но сам аппарат извне не контролировался никем. В качестве некоторой паллиативы использовались лишь взаимные ревность и недоброжелательство отдельных его частей, особенно занятых сходной деятельностью. (Классический пример такого стравливания разных

звеньев аппарата - взаимная неприязнь МВД и КГБ, а также перманентный подспудный конфликт армии и других «силовых структур», а внутри армии - разных родов войск.)

Созданный Сталиным еще в 20-е годы, аппарат постепенно превратился в самодовлеющую силу. Особенно возросла его роль в послехрущевские десятилетия.

Послушность аппарата «политическому руководству» простиралась лишь до тех пределов, в каких его собственному господствующему положению в целом ничто не угрожало. За этой границей послушность превращалась в ее имитацию, на деле блокировавшую любые угрожавшие статусу номенклатуры перемены. Уж что-что, а инстинкт самосохранения всегда был развит у аппарата превосходно, а последнее - брежневское - советское аппаратное поколение, скоротавшее свой кабинетный век без особых перетрясок, вдобавок обзавелось и зачатками корпоративного сознания. Любые движения в сторону либерализации экономических и социальных отношений неизбежно затрагивали статус номенклатуры - положение практически бесконтрольного распорядителя общественными ресурсами, интеллектуальным достоянием, человеческими судьбами..., по сути, всем находившимся на нашей земле либо какими-либо узлами с ней связанными. Разумеется, в этическом плане аппарат был неоднороден. В нем было не так уж много откровенных «угрюм-бурчеевых» и «акакий-акакиевичей», и были не только беспринципные «лисицы» коридоров власти, но и люди порядочные, компетентные, даже с прогрессивными ориентациями. Но общий корпоративно-охранительный дух номенклатурной корпорации, бюрократическая корпоративная этика так или иначе связывали всех. Механизм же социального контроля над аппаратом отсутствовал.

Машина принуждения и потенциального подавления. Исторические обстоятельства, в которых происходило становление режима, обусловили его первостепенное внимание к задачам создания механизма своей физической самозащиты. Поэтому одной из первых его задач стало

создание разветвленной сети специальных органов, получивших широчайшие полномочия по физическому подавлению как реальных, так и потенциальных, предположительных его политических оппонентов, системы мест их изолированного от остального общества содержания, воинских частей сугубо карательно-устрашающего (по весьма характерной терминологии - «особого») назначения. Причем эта машина начала создаваться уже с первых дней существования режима: ЧК и ЧОН начали разворачиваться еще до конца 1917 года, а третий компонент системы - лагеря, в которых принудительно концентрировали «враждебные элементы», появились уже летом 1918 года.

Эта машина, первоначально созданная для решения экстраординарных задач исключительными по своей жестокости средствами, в дальнейшем стала постоянным инструментом государственной политики. И когда чрезвычайные обстоятельства объективно исчезли, машина не только сохранилась, но и непрерывно совершенствовалась, отлаживалась и росла.

1) В числе ее усовершенствований были, в частности, и такие крупные организационные «достижения» как перевод мест заключения на хозрасчет, что создало теснейшую взаимосвязь между функциями террора и экономического развития, породив гигантскую индустрию принудительного труда - «истребительно-трудовых» (по терминологии А.И. Солженицына) лагерей - со всеми ее ужасными последствиями.

Эта дьявольская машина знала моменты высшего напряжения и периоды работы на пониженных оборотах; определенное время она функционировала на самой авансцене государственной жизни, а затем ее как бы отодвигали вглубь, «за занавесочку». Но на протяжении всех советских десятилетий она постоянно поддерживалась в состоянии готовности к молниеносному повышению «оборотов» ее работы - в любой момент, по первому указанию или сигналу об опасности. Глубокий исторический анализ деятельности этой машины и ее катастрофических последствий для страны, для нации еще предстоит проделать. Пока же отметим лишь одно из следствий существования в распоряжении власти

такого могучего и безотказного инструмента: постоянный соблазн «разрубать гордиев узел», т.е. пытаться решать при помощи чрезвычайных средств те проблемы государственной и общественной жизни. По отношению к которым подобный подход противопоказан.

Идеологический монополизм. В сфере идеологического воздействия последовательно проводилась установка на монополизацию идеологической трибуны. Полностью монополизм «единственно правильной линии» утвердился в конце 20-ых годов. С тех пор любые, даже самые незначительные новации в сфере идеологии могли исходить только от высших партийных инстанций, т.е. либо «озвучиваться» устами партийных лидеров, либо содержаться в документах ЦК, либо (наименее авторитетный, но все же обладавший достаточной директивной силой вариант) быть напечатанными в официальных партийных изданиях - прежде всего в «Правде» и журнале «Коммунист» (с циничным сарказмом переименовавшемся в годы перестройки в «Свободную мысль»). Разумеется, их подлинным автором мог быть любой «доверенный» работник идеологической сферы, но чаще всего авторство оставалось неизвестным, разве что их удавалось намеренно невнятной скороговоркой высказать в каком-либо мало читаемом издании, да еще обложив при этом так называемыми «идеологическими подушками». Зато после у рядовых «глоссаторов» появлялись определенная свобода и возможность для словесных маневров. Поэтому журналисты и функционеры, официальные ученые и доморощенные философы всегда напряженно следили, что изречет партийный лидер или идеолог на очередном собрании, пленуме или, тем более, на партийном съезде, поскольку от этого зависели границы отпущенного им на данном этапе идейного «жизненного пространства». Видимо, верней всего назвать этот механизм **институтом принудительного единомыслия**, поскольку главным его назначением было не «сохранение чистоты догматов», как могло показаться на первый взгляд, а цементирование, поддержание идеологической дисциплины.

Целый ряд административно-политических устройств был изобретен для того, чтобы обеспечить его надежную работу. Думается, что в общем виде основной закон действия данного механизма можно сформулировать как **принцип несвободы информации**.

Двухслойность идеологии. Этот институт оформился позднее других. Он означает существование в политической практике двух принципиально не совпадающих слоев, один из которых - внешний - носит декларативный, а во многом маскировочный характер, а другой - внутренний - предназначался для узкого круга «посвященных» и собственно отражал идеологию подлинную. Иначе говоря, внешний слой предназначался для массового потребления, для агитации, внутренний же - для реальной политики.

Например, если на уровне внешнем, риторическом провозглашались всеобщее равенство, единство верхушки режима с народом, то на уровне реальном все более разрасталась засекреченная от общества система номенклатурных привилегий, укоренялись семейственность, протекционизм, культивировалась кастовая психология. Если на идеологическом фасаде были начертаны интернационалистские лозунги, то внутри нормой были слегка замаскированный шовинизм и разращение «национальных кадров». Лозунги равенства и независимости «братских» партий и народов, невмешательства во внутренние дела союзников и т.п. в сфере реальной политики оборачивались гегемонизмом, стремлением к диктату и навязыванию собственных образцов, вплоть до военного вмешательства, как в Венгрии в 1956, Чехословакии в 1968, Афганистане в 1981 годах и тогда же, в более закамуфлированном виде - в Польше. Демагогия относительно «самой совершенной демократии» вполне согласовывалась с практикой жестокого подавления любых ростков оппозиционности да и просто независимости мышления. Призывы типа «экономика должна быть экономной» сочетались с невиданным

расточительством, к эффективности - с гигантскими масштабами псевдодеятельности бюрократической машины и т.д. и т.п.

Тотальная зависимость человека от власти. Посленэповский сталинский курс на фактическое всеобщее огосударствление хозяйственной и социальной жизни создал положение, при котором почти все каналы удовлетворения первичных человеческих потребностей - получение работы, образования, медицинской помощи, жилья и т.д. - находились под монопольным контролем власти. В результате личность попала в ситуацию тотальной зависимости. Разумеется, в соответствии с принципом идеологической двухслойности, это камуфлировалось риторикой о небывалых в истории свободах советского человека.

Власть же получила в свое распоряжение целый набор возможностей для воздействия на личность посредством ее ущемления или, напротив, поощрения. Ведь, контролируя рычаги воздействия на человека, можно продвинуть его по службе, а можно и создать для него невыносимую атмосферу, не говоря уж об увольнении, можно дать ему квартиру, а можно и не дать, разрешить поездку за границу или запретить, напечатать книжку писателя или нет... Более того, можно исключить его сына из института, забрать в армию, наложить общий запрет на его прием на работу, а через 3 месяца - привлечь к уголовной ответственности за «тунеядство»! Ведь все ниточки фактически сходились в одни руки. А «благовидные» предлоги всегда находились. Диссиденты на своих шкурах испытали весь набор этих методов.

Но даже не обязательно было быть диссидентом. Произвол мог обрушиться на любого не потрафившего высокому начальству человека. Притом в провинции произвол был еще более неприкрыт и разнуздан, нежели в центре. К тому же у человека там было гораздо меньше возможностей для социального выбора и профессиональной миграции, а контроль над всеми

дверьми, в которые ему по разным жизненным проблемам приходилось обращаться, осуществить было гораздо проще.

Другая сторона того же принципа тотальной зависимости индивида от «карающей и воздающей длани» власти - разветвленная и строго ранжированная система распределения всевозможных привилегий. Социально-манипуляторский смысл так называемой «кремлевки» и других благ состоял в массовом подкупе и создании слоя «приобщенных», которые при всех обстоятельствах должны были поддерживать режим из соображений прямой своекорыстной выгоды. В целом по стране эта система охватывала миллионы людей, причем «поэтажный» принцип приобщения ко все новым видам благ создавал стимул для служебного усердия в надежде подняться на более высокий этаж. Объективно эта иерархическая «кормушка» породила двоякие последствия: с одной стороны, она сформировала и поддерживала армию опричников режима, с другой - крайне негативно повлияла на общественную мораль, развращая «приобщенных» и стремящихся попасть в их число, а у всех остальных - создавая и постоянно поддерживая чувство социальной несправедливости режима при невозможности что-либо в нем изменить. К тому же «приобщенные» сплошь и рядом не удовлетворялись «положенными» им привилегиями, а посредством неформальной круговой поруки, столь распространенной в касте «хозяев жизни», стремились обеспечить себя всевозможными дополнительными благами.

Думается, одним из скрытых мотивов сопротивления большевистской системы развитию любой независимой от властей деятельности, будь то кооперация, независимые научные семинары, творческая деятельность или религиозные общины, был страх утраты контроля над «подданными» в случае расширения у них экономической или духовной свободы.

Рассматриваемый институт, помимо всего прочего, крайне пагубно повлиял на общественную мораль. «Материальная зависимость всегда порождала и моральную, выразившуюся в требовании со стороны вышестоящих услужливости от низших, почтительности к лести, становившейся со

временем все витиеватей и пошлее.» 2) Это написано о Римской империи времен упадка, но имеет универсальную применимость, причем в советских условиях процесс морального растрепания людей подачками и наказаниями, думается, зашел дальше, чем в древнем Риме. Там исчезали гражданские доблести, у нас же с какого-то момента дефицитом стала простая порядочность.

Впрочем, можно взглянуть на вещи и с другой стороны: удивительно и служит источником оптимизма то обстоятельство, что и при столь мощной, действовавшей в течение жизни нескольких поколений системе морального развращения и воспитания конформного поведения едва ли не на рефлекторном уровне, все-таки сохранилось заметное число людей, пренебрегавших этим способом получения благ и старавшихся вести себя в жизни более или менее независимо. Именно эти люди стали движущей силой изменений на рубеже 80-90-ых, именно их существование позволило на определенном этапе посмотреть в будущее страны с определенным оптимизмом. И именно выход их, по разным причинам, из активной социальной жизни вызывает в последнее время опасения относительно возможности еще одной системоцентристской реставрации, разумеется, в новых одеждах.

Закончим на этом наш краткий обзор принципов построения режима, обратимся теперь к более динамичному аспекту - принципам его функционирования.

Принципы действия режима.

Подавление любой оппозиционности и превентивное искоренение ее потенциальных очагов. В этом отношении режим ничего не изобретал, а лишь воспринял и модернизировал традицию охранительной полицейской реакции на любое социальное недовольство. Под прикрытием риторики о «морально-политическом единстве» в общественном сознании десятилетиями культивировались всеобщая подозрительность, слепой

конформизм, нетерпимость к инакомыслию. В социально-психологическом плане их поддерживали посредством запугивания обывателя внешними и внутренними супостатами, благо враги (действительные или мнимые - для пропагандистских манипуляций не суть важно) всегда оказывались под рукой.

Лишь в конце 80-ых наметился отказ от этого в течение семи десятилетий парализовавшего нашу общественную жизнь «синдрома держиморды», нарастающее понимание жизненной необходимости плюрализма для не уродливого развития общества.

Постоянное широкое использование различных форм принудительного, т.е. экономически несвободного труда. Сейчас весь мир знает об «истребительно-трудовых» лагерях сталинского ГУЛАГа, многомиллионный и постоянно обновлявшийся контингент которых практически голыми руками под охраной надсмотрщиков и сторожевых собак возводил на костях своих товарищей «великие стройки коммунизма». Но это было лишь частью принудительной механики.

Принцип принуждения лежал и в основе использования труда солдат на строительстве гражданских объектов, и в постоянной мобилизации горожан на сельскохозяйственные работы (для камуфляжа некоторые из подобных акций называли «шефской помощью»), и в добровольно-принудительных субботниках...

В течение всех советских лет принудительный труд был существенной частью нашей экономики и не только экономики. Ведь в альтернативе «общество развивающееся» и «общество послушное» безоговорочное предпочтение всегда отдавалось второму варианту. Независимость людей, экономическая или интеллектуальная, всегда расценивалась режимом как угроза и потому пресекалась. Так что за борьбой вокруг различных форм собственности и связанных с этим проблем стояли (и стоят) отнюдь не только разные экономические доктрины и взгляды. Помимо очевидных конфликтов групповых интересов, это - и столкновение разных

представлений о том, каким должно быть общество - подконтрольным» или свободным.

Подавление или по меньшей мере блокирование несанкционированной инициативы. Во всех сферах система опиралась не на активную ищущую индивидуальность, а на педантизм послушных исполнителей. Даже самый яркий талант терпели лишь постольку, поскольку он оставался под контролем, а еще лучше, если сам он не помышлял о независимости. Словом, в полной мере проводился в жизнь сталинистский идеал «винтиков».

Мастерское использование низменных качеств людей, эксплуатация их недостатков. Среди этих эксплуатировавшихся в манипуляторских целях человеческих свойств первым следует назвать *зависть* - к чужому таланту, успеху, благополучию, даже к красивой жене или более способным детям. Чему только не завидует человек! В основе зависти лежит та или иная форма естественного неравенства, однако субъективно воспринимаемая завистником как несправедливость и возбуждающая у него извращенную жажду реванша. В психологии этот феномен описывается, в частности, в концепции когнитивного диссонанса. Низменное желание увидеть конкурента поверженным, увы, присуще многим. В христианском обществе система нравственных норм все же как-то блокировала хотя бы самые жестокие проявления этого качества. Но принципиальный нравственный релятивизм «революционной морали», пронизывавший весь советский идеологический кодекс, снял систему нравственных ограничителей. В числе функционеров режима нашлись весьма искусные «ловцы душ» - люди, умевшие и готовые использовать человеческую низость - подсказать нужный «ход» уже созревшему для подлости человеку, помочь подавить угрызения совести строгими разговорами о необходимости бдительности и непримиримости к врагу и т.п. Одним из «вирусов-возбудителей» эпидемии доносов на сослуживцев,

начальников, соседей, которая одно время открыто поощрялась властями, была именно зависть. «Приз» для доносчика мог быть двояким - материальные выгоды, доставшиеся ему как бы «по наследству» от жертвы (должность, статус, жилье, имущество и пр.), и моральное удовлетворение от «возмездия».

В том же ряду стоят и другие близкие по своей психологической подоплеке свойства человеческой души - *тщеславие*, «комплекс Герострата», т.е. желание любой ценой приобрести не принадлежащую тебе по праву репутацию, властолюбие.

Еще более универсальное орудие - эксплуатация *страха* и связанного с ним желания не попасть в число гонимых. Уж что-что, а наводить страх режим умел. Механизм эксплуатации низкого в человеке - зависти, тщеславия, трусости - работал на всех уровнях пирамиды - от Политбюро до колхозов, от Академии наук до ГУЛАГа. Различными были лишь призы. Негативные же стимулы - угроза потенциальных лишений, гражданской и физической смерти - различались (во всяком случае, при сталинщине) на любом уровне не столь уж существенно. Со временем менялись формы искушений и запугивания, отчасти - набор стимулов и угроз, но суть механизма оставалась той же.

Эксплуатация низменной стороны национальных чувств, идеологизированного «патриотизма». Разумеется, патриотизм имеет и позитивную, а в некоторых случаях - даже возвышающую человека сторону. Но не о ней сейчас речь. Имеется в виду государственно-идеологическое манипулирование противопоставлением различных этнических групп «мы» и «они». Этот традиционный имперский прием широко использовался во времена «корифея национального вопроса», а отчасти - и в последующее время. По отношению к внешнему миру эксплуатировался миф о стране как «осажденной крепости», т.е. о прямой военной угрозе СССР со стороны Запада. Надо сказать, он работал в массовом сознании весьма эффективно, поскольку опирался на давнюю традицию смотреть на

окружающий мир как на комбинацию различных разновидностей врагов. На внутреннем же «фронте» эксплуатировались как шовинизм, так и многовековые взаимные исторические счеты между разными национальностями, проживавшими на территории Советского Союза, особенно в таких бурлящих многонациональных котлах, как Кавказ и Средняя Азия. Крайней, но отнюдь не единственной формой подобных политических манипуляций было объявление целого ряда национальностей «плохими», «нациями изменников» и т.п. с тотальными репрессиями против них и поселением на их территории других народов. Похоже даже, что некоторые границы между республиками были в свое время специально проложены таким образом, чтобы поддерживать в тлеющем состоянии очаги межнациональных конфликтов. Это давало центральной власти возможность исполнять выигрышную роль арбитра и миротворца, следуя старому правилу «разделяй и властвуй». Хуже всего в этой ситуации приходилось русским поселенцам в национальных республиках, на которых коренное население порой вымещало свои обиды, по сути обращенные к режиму и центральной власти.

Однако управлять национальными страстями трудней, нежели атомным реактором: процесс порой выплескивается в самых неожиданных и опасных направлениях. И чем дольше он был под прессом советской «крышки», тем сильнее оказывается «выброс». Сейчас и Россия, и другие бывшие советские республики пожинают долговременные результаты «мудрой национальной политики». И преодоление кризиса в межнациональных отношениях, возможно, потребует больше времени и усилий, чем что-либо другое. Начавшиеся с 1988 года и продолжающиеся поныне взрывы межнациональной вражды и на Кавказе, и в Средней Азии, и в ряде других мест - фактор очень тревожный, долговременный, трудно преодолимый и подрывающий основы демократического гражданского общества, такие, как, например, приоритет прав человека. С другой стороны, «титულიй нации», видимо, не обойтись без отказа от имперских идолов и стереотипов.

Господство имитационных форм деятельности. Режим щедро расточал свой потенциал на различного рода псевдодеятельность. Укажем две из них - псевдодемократию и «галочную» ориентацию.

На попытки создать ложный образ «самого демократического общества» тратились немалые силы и средства. Главным направлением здесь была **имитация Советской власти.** Именно на это работали и избирательная система (на самом деле не заслуживавшая этого названия), и вся лестница Советов, особенно ее верхние ярусы, носившая откровенно бутафорский, церемониальный характер, ибо она оформляла, придавала видимость законности решениям, принимавшимся келейно в кабинетах партийной номенклатуры.

Под «галочной» ориентацией я понимаю такую запрограммированность всей системы управления, при которой она фактически стремится к достижению не реального общественно полезного результата, а тех или иных «красивых» формальных показателей. Эта подмена рыночных механизмов бюрократически фикциями была одним из кардинальных дефектов советской системы хозяйствования и одновременно - залогом всевластия административного аппарата.

Отторжение лучших людей. Много раз умные и честные люди из самых искренних, лучших побуждений предпринимали бескорыстные попытки сделать систему более цивилизованной, эффективной, гуманной. Это происходило во многих областях экономики, науки, хозяйства, культуры. Однако, как правило, результаты оказывались несоразмерно малыми по отношению и к первоначальным планам, и к затраченным усилиям. В лучшем случае прививались лишь второстепенные детали предложенных усовершенствований. Кардинальные же идеи либо безнадежно увязали в бюрократическом болоте, либо даже предавались анафеме с политико-идеологических «амвонов». Исключение составляли лишь чисто технические идеи и технократические социальные проекты, по большей части прожектёрского характера, типа «формирования и воспитания новой

социальной общности - советских людей». Цену подобных проектов мы теперь все знаем, а их результаты - пожинаем.

Но все-таки почему так получалось? Ведь, казалось бы, любая власть должна быть заинтересована в конструктивном содействии с наиболее активной и талантливой частью общества. Но на деле для антидемократических режимов, к числу которых относился и советский, даже невинная на первый взгляд модернизация весьма опасна, так как почти всегда приводит к утрате правящей олигархией части контроля над обществом. Главную же опасность представляют сами носители новых идей. Ведь чаще всего это люди нестандартного образа мыслей, с выраженной индивидуальностью, внутренне независимые, не признающие святости иерархической чиновничьей картины мира и логики. Поэтому такой человек даже при своей благонамеренности представляет потенциальную угрозу. Во всяком случае, риск превышает возможную выгоду.

К тому же все, возвышающееся над посредственностью, представляет для нее угрозу. Еще в середине XVI века архиепископ Вассиан писал Ивану Грозному: «Не держи около себя мудрейших и лучших людей, если хочешь самодержцем быти.» Как Грозный решил эту проблему, известно. Но и в последующие столетия власть, как правило, давала отрицательный ответ на вопрос относительно готовности к союзу с либерально настроенной интеллигенцией и другими социально активными слоями населения. Ущерб, нанесенный стране подобным «самооскоплением», исчислить невозможно. Источником для умеренного исторического оптимизма может служить лишь то обстоятельство, что, вопреки всем гонениям, в нашем обществе все-таки не до конца погиб интеллектуальный, нравственный и деловой потенциал, готовый служить своему народу.

Выдвижение худших (отрицательная селекция). По сути, это - обратная сторона предыдущего принципа. Ведущим моральным качеством людей, успешно шагавшим вверх по ступеням пирамиды власти, оставался беспринципный карьеризм. Причем в послесталинские времена эти люди

часто даже не считали нужным скрывать свои побуждения. В результате властвующая «элита» режима по сути представляла собой антиэлиту, ибо формировалась, как уже описывалось в предыдущих главах, из худшей части каждого общественного слоя - из своего рода «люмпенов» каждой социальной группы.

Манипулирование общественным сознанием и настроениями. Это всегда было одной из сильных сторон режима. В первые десятилетия своего существования он обычно делал упор на сознание неразвитое. Однако со временем выяснилось, что крики «ура» и «долой», «праведный гнев» и «единодушное одобрение» вполне можно извлекать не только из рабочих, но и из профессоров. Правда, мотивы безропотного и даже старательного участия людей в подобных ритуалах у разных слоев населения все-таки не вполне совпадали: простые «люди доброй воли» участвовали в них более искренне (машина политического оболванивания особенно эффективно работала именно на них) или индифферентно (по принципу «раз велят - значит надо»); образованную же публику, «интеллигентов» подталкивал на трибуны сложный комплекс верноподданнического усердия, в котором были перемешаны страх, корысть и конформизм. С точки зрения нужд практической политики режиму были более необходимы крики не «ура», а «долой» и «смерть врагам». Основное назначение подобных кампаний всегда было внутривнутриполитическим, независимо от того, кто являлся объектом проклятий - враг внутренний или внешний.

Впрочем, постепенно метод этот утрачивал действенность. С одной стороны, готовность людей разыгрывать мало достойные марионеточные роли в условиях ослабления террора снижалась, с другой - возрастали их способность и намерение думать и оценивать вещи самостоятельно, нежелание бездумно заглатывать приготовленную другими «идеологическую кашу». Пожалуй, самые наглядные примеры изменений, постепенно накопившихся в массовом сознании, а затем

давших качественный скачок, дал конец 80-ых годов: это - популярность многократно проклятого и оболганного со всех идеологических трибун академика А.Д.Сахарова и провал нескольких десятков региональных партийный боссов на первых конкурентных выборах в Верховный Совет в 1989 году.

Отношение к закону лишь как к инструменту власти. Подобную - антиправовую по своей сущности - трактовку закона обычно называют «азиатской», «византийской» и пр. Однако прагматически-презрительное отношение к закону лишь как к инструменту власти, а не своего рода общественному договору, связывающего всех его участников, включая государство, имеет у нас, увы, и собственные, вполне «почвенные» корни.

3)

Закон у нас в течение столетий был отнюдь не правом в подлинном смысле слова, а во многом лишь орудием узаконенного произвола, причем не самым эффективным и потому не самым главным. Законодательная и законоприменительная практика советского режима унаследовала и продолжила эту автократическую традицию.

Основную массу принимавшихся при большевистском режиме законов можно отнести к одной из двух категорий - законов декларативно-пропагандистских и законов реального действия. Первая категория служила цели имитации демократического общества, о чем речь уже шла. Законы этого рода формулировались намеренно неопределенным образом, а там, где затрагивались практические вещи, порядок проведения деклараций в жизнь, использовалась «резиновая» формулировка: «порядок и условия применения... определяются законодательством». На деле это означало, что записанное в законе будет соблюдаться лишь постольку, поскольку захотят соответствующие ведомства и «инстанции», игравшие решающую роль в подготовке и принятии текущего законодательства. А оно могло либо не приниматься по много лет, либо обставлять норму закона таким частоколом оговорок, что лишало ее всякого реального смысла. Впрочем,

оговорки иногда вводились и в сам текст закона, как, например, фраза в тексте последних советских конституций, обуславливавшая возможность граждан осуществлять их права и свободы «интересами социализма». Вообще советские конституции были наиболее яркими и наглядными образцами таких «парадных» законов. Было немало и других способов выхолащивания содержания внешне демократических законов. В результате значительная их часть состояла из «мертвых» норм. Зато вокруг их подготовки раздувался пропагандистский ажиотаж, имитировались всенародная заинтересованность и участие в их обсуждении, что служило все тем же маскировочным целям.

Другое дело были законы, предназначенные для реального действия. Их готовили и принимали без широких парадных псевдодискуссий, действительно по-деловому, фактически утверждали решением высшего партийного ареопага на Старой площади, а затем практически без обсуждения проштамповывали в «высшем законодательном органе». В отличие от законов -пропагандистско-рекламных, они очень часто носили явно выраженный репрессивный, запретительный характер, причем это относится не только к сталинским временам, но и практически ко всему советскому периоду нашей истории. Так, даже горбачевские «новые времена» начались с репрессивного и явно антиэкономического по своей основной направленности Закона о нетрудовых доходах.

Но как бы ни плохи были многие законы, еще хуже была практика их применения. По существу, действовали не законы, а ведомственные инструкции, у авторов которых отпадала необходимость создавать даже маскировочную видимость «заботы о правах граждан». А «телефонное право», действовавшее поверх всех законов, в рамках которого судебные решения диктовались судьям из партийных и КГБ-шных кабинетов, превращало судебную систему в пародию на правосудие. Думаю, здесь уместно вспомнить сентенцию блаженного Августина: ***«Лишенное правосудия, что есть государство, как не большая шайка разбойников.»***

Такова унаследованная нами реальность, обуславливающая отсутствие уважения к закону, причем в более или менее одинаковой степени как «наверху», так и «внизу», в народе.

Использование приманки государственных наград. Режим использовал в своих интересах и такой важный инструмент манипуляции общественным сознанием как награды. Правда, чтобы хоть как-то закамуфлировать манипуляторскую сущность этого инструмента, приходилось поддерживать престиж наград вручением их не только слугам и прихлебателям режима, но также и людям достойным, за действительные заслуги перед обществом. Впрочем, по ходу, например, брежневских времен, удельный вес прослойки награждавшихся по заслугам имел общую тенденцию к снижению. В числе лауреатов все больше преобладали не достойнейшие, а самые ловкие, самые «интригоспособные». Процедуры же номинации и присуждения наград в какой-то момент превратились в мафиозную борьбу раболепствующих «придворных» прихлебателей за ласку «державной длани». Основы этого механизма давно уже представляют «секрет полишинеля». Еще в середине девятнадцатого столетия юный Ф.Энгельс достаточно четко выразил отношение внутренне свободного человека к исходящим из рук власти знакам особого благоволения: «Орден, золотая табакерка, почетный кубок от короля - это в наше время скорее позор, чем почеть». 4) Помните, о своем презрении к предлагавшимся ему властью милостям и «игрушкам» говорил и П.Я.Чаадаев. Конечно, подобная максималистская позиция интеллигента-нонконформиста вряд ли когда-нибудь и где-либо может стать массовой. Как говорится, «человек слаб», не лишен тщеславия. Собственно, на этом и построен рассматриваемый механизм. Блеск наград всегда манит и слепит большую часть людей. Но все же отношение к ним не всегда и не везде бывало столь уж некритически положительным. Истории известно немало случаев, в том числе - и в предреволюционной России, когда люди отказывались от наград или демонстративно их возвращали.

Однако в советские времена ситуация выглядела иначе. Престиж наград - орденов, званий, премий - был весьма высок, причем не только среди широкой публики, но также и среди тех, кто знал «кухню» всего предприятия и даже среди тех, кто был к этой «кухне» причастен. Таков один из горьких парадоксов и в то же время индикаторов развращенности нашего гражданского самосознания.

Эксплуатация авторитарной политической традиции. Как известно, романтизация «святой старины», обращение к «духам предков» - обычный прием у политиков любой страны. К нему особенно часто прибегают в кризисных ситуациях, когда нужно поднять дух нации, сплотить ее. А что может легче сплотить народ, чем общие святыни (не важно, фальшивые или подлинные) и напоминания о единстве исторической судьбы? Причем степень исторической достоверности этих «символов веры» несущественна; важно их восприятие в качестве таковых.

В советской истории этот прием впервые всерьез взял на вооружение Сталин, использовавший авторитет Ленина для создания его посмертного культа и «освящения» им собственных действий. Кстати сказать, это противоречило духу формально господствовавшей тогда марксистской идеологии, что лишней раз показывает сугубо прагматическое отношение большевиков к идеологии, зато подтверждает принцип ее двухслойности.

Во время войны, в критический для режима момент, Сталин отважился сменить идеологические акценты и с циничной расчетливостью, но наигранной эмоциональностью апеллировал к «знамени великих предков» и другим именам и символам дореволюционной России, нисколько не смущаясь тем, что ранее и он сам, и его сподвижники их многократно поругали и осквернили. И эффект, надо сказать, был весьма значительным. А во времена более близкие его наследники столь же расчетливо использовали в качестве символа «золотого века» самого Сталина.

И, как ни горько признавать, но такой курс находил у людей довольно широкую поддержку. При этом возрастным фактор не играл решающей

роли. «Молодежный» неосталинизм, приходивший на смену сталинизму «классическому», был в некоторых отношениях еще хуже, поскольку не имел оправдания незнанием.

Итак, сталинизм как режим хронологически значительно шире, чем годы сталинского лихолетья. В таком широком смысле слова его социальная база была да и остается достаточно широкой и многообразной. Предложим следующую ее классификацию:

- сталинисты идейные, принципиально считающие сталинизм наиболее эффективным способом организации государственной жизни и управления «массами», хотя не обязательно связывающие свой идеал с возрождением персонального культа Сталина, а также просто люди с «державным» стереотипом мышления и ценностями;
- бывшие «сталинские соколы», в сознании которых неотделимы их кумир, режим его правления и личные сладкие воспоминания молодости (по чисто биологическим причинам эта категория сходит с исторической сцены, но, не пройдя через чистилище хотя бы морального осуждения и тем более раскаяния, она до сих пор загрязняет общественную атмосферу);
- другие представители консервативной оппозиции настоящему с позиции идеализации прошлого, впрочем, часто вкладывающие в свой образ прошлого совершенно мифологическое содержание, не имеющее ничего общего с реальным сталинизмом;
- фронтеры, находившие в демонстрации своих симпатий к Сталину (например, в виде его портрета на ветровом стекле), как им казалось, экстравагантную форму эпатирования окружающих и показа своего негативного отношения к настоящему;
- симпатизировавшие Сталину по национальным мотивам;
- люди с выраженным психологическим типом человеконенавистника, описанным Т.Адорно в терминологии садомазохистского комплекса

...Многозначие означает, что типология, возможно, неполна.

Одно время казалось, что миф о «крутом, но мудром вожде» не серьезной перспективы для воскрешения. Конечно, трудно было ожидать повального

изменения взглядов, особенно у людей, для которых сталинизм играл роль символа не напрасно прожитой жизни и потому охранялся защитными механизмами сознания. Но то была не столь уже многочисленная и по естественным причинам сокращавшаяся прослойка людей. «Молодежный» неосталинизм, приходивший на смену сталинизму «классическому», в некоторых отношениях был еще хуже и определенно более опасным. Так что мы отнюдь не гарантированы от новых попыток использовать для конъюнктурных политических целей саму авторитарную политическую традицию. Корни для успеха подобных манипуляций с национальным сознанием были основательно подрублены, но, увы, отнюдь не подорваны окончательно. И некоторые феномены нашей сегодняшней жизни свидетельствуют, что подобные опасения, к несчастью, не безосновательны.

Брежневский наследник Юрий Андропов предпринял отчаянную попытку «подморозить» страну, вдохнув новую энергию в сталинскую модель управления, и, возможно, провести петровскими методами ограниченную экономическую и социальную модернизацию системы. Однако судьба отпустила ему время только для реставрации грубой полицейщины и обострения отношений с Западом. О прочих его намерениях можно лишь гадать. Но тратить на это время и внимание читателей было бы непродуктивно.

Горбачев в первые полтора года своего правления действовал как преемник Андропова, но затем изменил курс в сторону гласности, перестройки экономики и политических институтов. Видимо, в тот момент он полагал, что придание системе некоторой контролируемой открытости и демократизма позволит сохранить ее основы, но в более либеральной версии. Постепенно его взгляды эволюционировали в сторону социал-демократических позиций. Но жесткие системы, как известно теоретикам, сохраняют свою устойчивость лишь при условии сохранения свойства ригидности. Превратить закрытое общество в полуоткрытое не удалось.

События начали развиваться хаотически. Наступил кризис, а затем - и коллапс системы. Как и в начале XX века, деструктивные процессы значительно опередили формирование альтернативных институтов и, тем более, сознания. Крах наступил гораздо раньше, чем произошла или в принципе могла произойти сколько-нибудь серьезная переориентация от системоцентристского к персоноцентристскому типу сознания и отношений. Система, которую Горбачев пытался перестроить, рухнула и погребла его под своими обломками.

По историческим стандартам, Горбачев находился у власти очень короткий период, гораздо меньше, чем время, затраченное им на продвижение к ее вершинам. Но такие «минуты» на часах Истории значат больше иных долгих десятилетий. Я думаю, что мы пока еще слишком находимся в исторической «тени» событий перестройки, чтобы анализировать ее с академическим спокойствием и объективностью. Ясно, однако, что Горбачев вытолкнул общество на новый перекресток, открыл возможность для нового исторического выбора между системоцентристским и персоноцентристским путями развития.

Сноски к главе 10.

- 1) В этой связи парадоксально выглядит устойчивое и недавно получившее новые импульсы муссирование и романтизация самого понятия «чекист», хотя, помимо прочего, любому не лишенному лингвистического слуха уху должна быть очевидна вопиющая несуразность этого самоназвания, напоминающая о чрезвычайном, т.е. временном характере учреждения, не предназначенного для работы в мирных, нормальных условиях .
- 2) Культура древнего Рима. М. «Наука». 1985. Т.1.С.57.
- 3) Подробный историко-гносеологический анализ этой проблематики и развернутое формулирование противоположной, либертарной доктрины права см.: Нерсесянц В.С. Философия права. М. 1997; он же. Наш путь к праву. М. 1992; Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М. 1993.
- 4) Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. 1956. С.343.